

ВЗЛЕТЬ БОЛЬШОЙ САТИРЫ

К гастролям Ленинградского государственного театра комедии

Институт нефирал. Уже одно наименование учреждения, в стенах которого разворачивается действие пьесы Д. Али и Р. Ракова «Опасные враги», показанной в Москве Ленинградским театром комедии, настраивает юмористически. И еще: оно вполне подготавливает зрителей к мысли, что основной конфликт сотрудников этого научного центра составляет дурак.

Полный институт одних дураков — в самом деле, почему бы в сатирической пьесе не художественно изобразить этот научный центр, составленный дураками. И в институте, выполняющем исключительно дурачную работу, обнаруживая все же лабораторию, где люди заняты настоящим делом. Мне думается, эта непосредственность повредила спектаклю, поскольку лаборатория профессора Нуранова не только в Институте нефирал, но и в пьесе — элемент чужеродный. Работавшие в этой лаборатории безупречно положительными героями, в отличие от авторов пьесы, не смеются над дураками, а возмущаются и возмущают. Не знаю, возможно, это и укрепило их положительность, однако художественное единство спектакля явно нарушает, потому что, посудите сами, кому нужен в сатирической комедии негодуемый резонер?

Кое-какие ситуации и реплики рассчитаны, пожалуй, на слишком легкий успех — этого тоньше у спектакля не отнимешь.

Вот, пожалуй, все или почти все, что мешает этой комедии быть комедией и редко-редко рождает в публике холодок не доверия, равнодушия. В общем же спектакль, остроумно поставленный Н. Лявниным и не менее остроумно оформленный художником И. Крыловым, все-таки принимается так, как собственно, и должны восприниматься спектакли этого жанра: хохот в зрительном зале стоит гомерически.

Итак, Институт нефирал. Его сотрудники, подобно всем бездельникам, состоящим при должности, без устали создают видимость кипучей деятельности. В отделе заместителей пробки с незапамятных времен бьются над тем, чем же все-таки заменить пробку, а уже пришли к глубокомысленному выводу, что заменять пробки есть пробка. Отдел проектирования этикетировался таким, что готов революцию в своей обширнейшей области: ведь до сих пор бутылки кефира поступали в продажу без этикетки, а теперь проектирование этикетировало ипрет, боимся кодом — ученые смело вторглись в область непознанного. Аспиранты Чаркин и Чурнин тоже работают — не гуляют, нужный из них уже давно в поте лица своего трудится над проблемой выбора темы для диссертации, надежды успеть твердо усвоить: хуже всего в науке — это отбегивания.

Все это продолжается до тех пор, пока зав. зам. пробыл Шинятов, который обычно бывает в курсе нескольких раньше других, не пропуская, что сверху спущена директива: изгнать из науки дураков.

И началось — закрутились! Срочную телеграмму с просьбой немедленно уточнить ситуацию с дураками послал в Москву своему высокопоставленному другу директор института Тихон Дюплетровский. Выход унес в обход этакий вездесущий Шинятов, успевший на ходу бросить секретарше: «Если меня будут спрашивать — я во

всех отделах». И заиграл, как нойройский армейский конторки звуке боевой трубы, начальник отдела кадров Мальков: «Кампания будет», — взором бравым фельдфебелем голосом, поправляя голенища сапог, и в этот момент из оркестра в самом деле призывно прозвучала труба...

Мальков в исполнении прекрасного комедийного актера П. Суханова — фигура в галерее дураков колоритнейшая. Знакомый мы с ланкадрами, когда он пребывает непосредственно при исполнении служебных обязанностей: «И бочком, утас!» — «Посту!» — принимаем на работу планку-подорожника Константинова. «Введите!» — командует он, однако тут же поправляется: «Войдите!». На вопрос посетителя, надо ли заполнять анкету, отвечает категорическим отказом. Еще чего! Прошли те времена, когда на работу принимали по анкетам, теперь подавай деловые качества! Вот так — широкий демократический жест рукой — десятка, садясь, Константинов, ты думаешь, говорить будем. Перва наперво ФНО. «Что?» — кричит обалдевший подорожник.

Оназначается, что фамилия, имя, отчество — первый вопрос на цинла вопросов, составляющих мальковскую беседу по душам. «Год рождения?» — и Мальков ярены отдергивает руку, дернувшему паспорт Константинов: душка, не подглядывай! Словом, перестроился Мальков, страшился с себя последствия культа...

Демократизм завадриками проявляется еще и в его пристрастиях к народным пословицам, поговоркам, присказкам и речениям. В числе любимых: «Не боги на горшках сидят». Это когда Мальков хочет подбодрить сотрудника, которого «бросают» на завершение некоего ему дела. Полупосылок ностиком, завершающийся руководящим хромовым сапогами, значок какого-то неведомого общества на груди — последние штрихи блестящего сатирического портрета, воссозданного актером.

Ученый секретарь Хеосенко — дурак, трусливо настроенный и обидчивый. Шинятов — дурак суетливый, из-за кому «хрука головы» котам полна не дает. Плевачкин, зав. проектированием — этикетированная, — дурак самодовольный и импозантный. Работы В. Осипова, С. Федорова, А. Савостянова завалил досрочные сценарии Ленинградского театра комедии, и все-таки их герои рядом с неповторимейшим Мальковым и лавой стелени проигрывают. Только Е. Уварова, играющая секретаршу директора Галину Федоровну, достигнет негритуденного, почти импровизационного комедийного блеска П. Суханова.

Однако, как справедливо заметил один из персонажей пьесы, какой пол, какой и тот аппарат. Что же представляет собой «пол»?

Тихон Иванович Дюплетровский (артист П. Панков) возникает на сцене значительно. Ему трудно, трусливая настроенность Хеосенки, он не опускается до неуместной бестолковой суетливости Шинятова. Тихон Иванович — человек солидный, никаких необдуманных решений, никаких действенных суждений. Все надо проверить, взвесить. Значит, так. Телеграмма пришла в Москву отправленная Малькову поручая позвонить в горком, там ответят, что с выявлением дураков в институ-

те даме несколько запоздали — настоярявающийся сигнал И, кроме того, знаете, что передает по радио? Скажу о колыбельной, про время установления, из которого яна, и при этом младший вовсе был дурак. Думаете, литературный материал подбирали случайно, сдают? Ну нет, шалишь, Дюплетровский не проведешь, петровский тертый петровский тертый.

Сомнения места нет — пора начинать кампанию. Ох, какая же кипучая энергия прощывается в медлительном, функциональном директоре Смирнове нового то, что герой П. Панкова свято убежден в крайней необходимости всего того, что он делает. Вот уж поистине «служилый» дурак — опаснее врагов. Вроде подитесь здесь и другое: популярное изречение: «Заставь дурак бить молоток — он себе лоб расшибет».

Дураки ищут дураков в уверенности, переполненном дураками, но вот беда — никак не могут найти. На свой счет «директива», разумеется, никто не принял. Ситуация придумана на редкость удачно, все делится научно-кефирного центра — как на ладоны.

Кампания в Институте кефира кончилась с той же мгновенной решимостью, с какой началась. Все тот же вездесущий Шинятов ухитрился раньше всех прочесть телеграмму московского друга директратора и уловил, что полетит на профессор Нуранова, которого дураки забыли выжить, объявив дураком, а сам Дюплетровский. Вообще драматургический прием не

удачный — когда новое указание из центра сразу разбурывает все фонды и подводит пьесу к счастливому концу. Однако в данном случае именно такое — письмо нужно для того, чтобы еще одной крапкой повернуть характер каждого из обитателей Института кефира. Узнав, что Дюплетровский зашатался, нарядный из них озабочен сейчас лишь одним: как бы скорее продать горло любимого руководителя. Дураки-дураки, а кое-что понимают...

Однако ведаю они все подним холды: пример того, как настоящий, не какой-нибудь дурак борется за место под солнцем, как-то ослеп-таки он — потопленный шеф. В самом деле, ведь говорили же в высших инстанциях: если человек не справляется с должностью, лучше ему самому в этом признаться и уйти. Только инстинкт пока что-то не находилось. Значит, можно стать первым? Начинателем, так сказать. Инициатором нового движения Иосиф кампания В. гасека каппапу? Факт, напишут. Орден дадут? А что, молите, и дадут. Вост... Вот ты мой, ядрю и босст поставят? Вот так Дюплетровский, вот так сообразил!

То, что играет П. Панков в этой сцене исключительно дураком прозрения, и есть, наверное, настоящая, большая сатира. Вот такими взлетами примечательнее прежде всего этот довольно неровный в общем спектакль.

К. ЩЕРБАКОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Опасные враги».

фото В. ИВАНОВА.